

Специфика городского общения

Актуальность изучения языка советского города не вызывает сомнения. Однако накопленный в различных центрах эмпирический материал разнороден и несопоставим без единой научной базы и общей методики сбора и анализа языковых фактов. Центральный термин «язык города» еще не имеет общепринятой дефиниции и используется скорее как описательное выражение, под которое подводятся не совпадающие по объему понятия. Мы придерживаемся той точки зрения, которая представляет речевую стихию современного города как совокупность речевых формаций: литературной разговорной речи, просторечия, полудиалектов, жаргонов, арго, иноязычных вкраплений¹. Каждая из составляющих язык города речевых сфер заслуживает самостоятельного рассмотрения, и появление работ по каждой из них в отдельности не случайно².

В русской лингвистической традиции изучение устной речи горожан шло на широком фоне анализа диалектов. Так, А. И. Соболевский указывал на особенности московского говора, отмечая, что «в других городах к нему иногда примешиваются местные черты из ближайших городов»³; В. А. Богородицкий находил «диалектические вариации общерусского произношения»⁴ в разговорном языке Москвы и Петербурга; Н. М. Каринский фонетические и грамматические особенности языка образованной части населения Вятки описал как результат влияния «диалектной стихии»⁵. Большинство известных нам работ, посвященных локальным особенностям городской речи на современном этапе, также оперируют термином «диалектизмы», объясняя все отклонения от норм литературного языка влиянием диалектов⁶. Этому помогает и материал, накопленный диалектологами, и хорошо отлаженная методика изучения говоров.

Однако указанный подход следует признать диахроническим: действительно, в языковой истории многих старых городов наблюдается трансформация одного или нескольких диалектов, которые подчас придают речи горожан местный колорит:

«Город наш рабочий. Рос вокруг Хрустального завода в Меццерских дебрях. Двести лет тому назад привезли мужиков Московской губернии Можайского уезда. К делу определили, к печам. И прошу обратить внимание: двести лет и по сей день все вокруг говорят на «о» по-владимирски, окают, любюю деревню возьми-те спазу за городской чертой. И только в самом Гусе у нас — по-московски выговаривают на «а». Акают» (Правда, 7 марта, 1982).

«Город — всегда диалог прошлого с настоящим», — справедливо

во утверждает Р. Рождественский. Но ведь для многих советских городов прошлое не так уж далеко отстоит от настоящего, и едва ли можно найти диалектные корни в многоликом молодом многоэтажном поселении. В синхронном плане более справедливой представляется точка зрения Р. Р. Гельгардта, говорившего о появлении «некоторой местной (не всегда диалектной) окраски», которая все же не приводит «к возникновению новой языковой единицы, отличной от системы языка литературного»⁷. Обычно обращают на себя внимание номинации, которые определяются спецификой географии, экономики, социального состава города:

«Что ни город, то норов» — помните слова? Каков «норов» у Челябинска, легко понять хотя бы по названиям улиц: Машиностроителей, Сталеваров, шоссе Metallургов, Энергетиков, по центру проходит самая старая улица — улица Труда...» (Сов. Россия. 1981. 20 окт.).

«Чета стариков встретилась мне однажды в пути. Каждую осень отправляются они в путешествие по стране, такой огромной, что в одних ее краях неровные улицы воспринимаются как сбегющие с горы и называются «спуски», а в других — как поднимающиеся в гору и называются «взвозы» (Неделя. 1982. 15—22 авг.).

Описание языка города через диалектизмы, отражающие историю формирования его населения, или через специфические номинации, характеризующие современное «лицо города», на наш взгляд, не может дать полной картины его языкового быта, его «норова». Не случайно в текстах русской разговорной речи появился материал как будто бы чужеродный — стереотипы «Книжный магазин». «Газетный киоск», «Продовольственный магазин». «Универмаг» и др.⁸ Одна из главных примет городского быта — насыщенность общения, повторяемость ситуаций, в которых оказывается горожанин:

«Разобраться в этой городской этике отношений — одна из моих задач. Разобраться и доказать, что городскому человеку знакома высшая математика чувств. Я и деревню люблю, ее поэзию. Жить на виду у всей деревни — это тоже естественно. Не потому, что так хочется. А просто — большая семья, где каждый знает, что творится в каждом доме. В городах это невозможно. И люди все-таки приспособились к этому. Они запрятали чувства в глубь своей души, но и от этого чувства не потеряли остроты» (Сов. Россия. 1985. 12 окт.).

Наша задача — подойти к описанию языка города с точки зрения коммуникативной, учитывающей прежде всего специфику городского общения в сравнении с сельским. На этой основе мы попытаемся установить особенности функционирования лексических единиц в ситуациях, типичных для больших городов. Такой подход, на наш взгляд, потребует выработки особой методики сбора и анализа фактического материала, отвечающей новым задачам.

«Горожанин находится в среде, почти целиком созданной не природой, а обществом. Обилие человеческих контактов и куль-

турно-профессиональная разнородность городского населения предрасполагают к тому, что общение между людьми приобретает все более деловой характер, что означает, с одной стороны, строгую количественную соразмерность взаимных услуг, с другой — большую личностную (нравственную) терпимость», — отмечает социолог А. В. Баранов⁹. Речевое поведение жителя города отражает степень освоения индивидом социально-типичных отношений, возникших под влиянием объективных условий существования. Различие условий городского и сельского быта отражается на общении и сказывается при адаптации селян в городе:

«Селяне непривычны к городскому образу жизни с его высокой мобильностью, кратковременностью связей, плохо ориентируются в социальных институтах города. Отсюда появление у горожан-новичков ощущения неуверенности в себе, чувства одиночества. Адаптация к новым условиям жизни часто сопровождается своего рода издержками, такими, как конфликты с окружающими, увлечение спиртными напитками» (Сов. Россия. 1982. 21 сент.).

Исследование городского общения может быть продуктивным только при учете факторов, порождающих это общение и определяющих его закономерности. В. И. Ленин писал: «У каждого общественного слоя свои «манеры жизни», свои привычки, свои склонности»¹⁰. Недаром Б. А. Ларин, не давая определения словосочетанию «язык города», часто использует в качестве синонима к нему выражение «городской языковой быт». Не случайно значительное место в его статье «О лингвистическом изучении города» занимает кажущийся на первый взгляд чужеродным материал социологов о составе городского населения¹¹.

Записи речи горожан, хранящиеся в картотеке Челябинского университета, произведены в большинстве случаев в обстановке, которая не позволяет установить точные социальные характеристики говорящих, а лишь показывает типичность ситуации и ролевые функции коммуникантов:

Магазин

- Сколько я должна выбить?
- Рубль сорок.
- И билетик?
- Если хотите.

Газетный киоск

-- «Недельку», «Вечерку», «Челябку».

(Киоскер молча подает газеты).

Недаром в книге «Русская разговорная речь» тексты, приведенные в разделах «Миниатюры», «В пассаже», «Стереотипы», «Информационный диалог», «Телефонные стереотипы», «Формулы этикета», не имеют точной характеристики говорящих как носителей литературного языка, что противоречит теоретическим установкам авторов¹². Нам представляется, что именно сам харак-

тер записей, тесно привязанных к коммуникативной ситуации, не позволил авторам остаться в жестких рамках разработанной ими теории. По нашему мнению, объектом филологического исследования города является устная городская речь в типичных ситуациях общения как составная часть того феномена, который представляет собой «...исторически сложившиеся и социально закрепленные языковые средства, обеспечивающие свободное, незатрудненное общение в его (города. — А. Ш.) пределах»¹³. Сложившийся городской обиход — часть духовной жизни горожан, показатель культуры общения, принятых форм поведения. Описать специфику города можно только совместными усилиями философов, социологов, психологов, экономистов, историков, этнографов. Решать собственно филологические проблемы городского общения можно только в том случае, если специалистами разных профилей будет заложен общий фундамент исследований на марксистско-ленинской методологической основе.

«Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Это производство впервые начинается с ростом населения. Само оно опять-таки предполагает общение индивидов между собой. Форма этого общения, в свою очередь, обусловливается производством», — указывали К. Маркс и Ф. Энгельс¹⁴. Города — величайшее творение рук и разума людей, освоивших ремесла и торговлю. Развитие городов было вызвано необходимостью концентрации и интеграции разнообразных форм материальной и духовной деятельности. Процесс урбанизации, повышения роли городов в развитии общества имеет две фазы: 1) накопление экономического и культурного потенциала общества в крупных городах, формирование высших образцов материальной и духовной деятельности; 2) освоение этих достижений не центральными городам и сельскими поселениями¹⁵. Со времени возникновения городов слово «городской» воспринималось как синоним слова «культурный». Характеристики «коренной москвич», «старая ленинградка» подчеркнута демонстрируют, что эти люди достойно представляют культуру столичных центров. Осознание роли городов в формировании духовной культуры общества привело к движению за их превращение в центры высокой культуры производства, быта, общения.

Челябинская область на 81% представлена городским населением: более миллиона жителей в самом Челябинске, свыше 400 тыс. — в Магнитогорске, около 200 тыс. — в Златоусте, 146 тыс. — в Копейске, свыше 150 тыс. — в Миассе¹⁶. Основное население уральских городов — рабочий класс. В Челябинске живут преимущественно металлурги и машиностроители. Именно рабочие определяют лицо наших промышленных центров и формируют языковой быт горожан. «Узнаваемость» уральцев поговору не раз отмечалась и в художественной литературе, и в прессе. Так, челябин-

ский актер, приглашенный сниматься в кино в роли рабочего, говорит: «Не было сначала и географической принадлежности моего героя, но говорок-то куда денешь, добавили: «с Урала» (Комсомолец. 1984. 18 авг.).

Характерной приметой уральских заводских поселений является обилие аббревиатур:

«Все без исключения ребята нашей школы с удовольствием выговаривали незнакомые доселе аббревиатуры: ДОФ, ЦМП, ЦМИ, ЦЗА, ГЖДЦ... И важно объясняли приезжим значение того или иного сокращения, показывали, где находятся эти новостройки, как к ним лучше добраться» (Челяб. рабочий. 1983. 26 нояб.).

Горожане часто называют себя и друг друга по предприятию, на котором работают, или по территории вокруг него: четэзовский, чеэмзовцы, амээшники (по заводам ЧТЗ, ЧМЗ, АМЗ), в то время как именование селян чаще производится по улицам или приметным географическим точкам: зареченские, нагорненские, с пруда (по улицам Заречной и Нагорной, по району возле пруда). В этикетных ситуациях нами записаны такие приветствия: Здравствуй, Паша с Уралмаша!; Держи кардан!; Держи кость нашего предприятия!

Нарочито грубоватые, «игровые» формы приветствия свойственны именно рабочим людям, что связано с многолетней, как правило, совместной работой на одном и том же промышленном предприятии. В условиях сельскохозяйственного производства, где количество работающих не столь велико и все они связаны отношениями соседства, родства или свойства, мы чаще встречали приветствия типа: Здорово, дядь Антон!; Доброго утречка, тетя Тань!; Привет, Катерин!

Бытовые диалоги челябинцев изобилуют промышленной производственно-технической терминологией и лексикой, которая отражает производственную тематику: заботы и нужды предприятия являются предметом обиходного общения. Для сельских жителей отмечена иная закономерность: выпускники вузов, работающие в сельских школах, жалуются, что в учительских чаще всего ведутся разговоры о домашнем хозяйстве, а не о школьных проблемах.

Наиболее характерна для города интенсивность общения, являющаяся причиной лаконичности диалогов и частого использования невербальных средств общения: Девушка, кино «Пушкино» где? (Молча жестом руки указывается направление); Скажите, на девять есть? (Кассир утвердительно кивает); Свободен? (Таксист молча распахивает дверцу).

Интенсивность общения является причиной нарушения ритуальности, тех неспешных формул взаимодействия, которые записаны нами от пожилых сельских жителей, осуждавших «современных городских», которые «все куда-то несутся». Например: «Здорово ночевали!» — «Милости просим!» — «Спасибо!» — «С нами обедать?» — «Поел уже, не обессудьте.» — «Проходите, пожалуй-

ста!» Этот этикетный разговор был записан нами от семидесятилетней жительницы с. Аргаяш как идеальный, который бы ей хотелось слышать от современной молодежи. Однако в реальном общении такого развернутого диалога нам не удалось записать ни разу.

Необходимость вступать в контакты со множеством людей порождает стереотипность общения в повторяющихся ситуациях. Авторы исследования по русской разговорной речи определяют стереотипы как цитаты, отмечая, что это готовые формулы не только с точки зрения их морфолого-синтаксической структуры, но и с точки зрения их лексической наполненности¹⁷.

Нами выделены следующие стереотипные ситуации, характерные для городского общения челябинцев: транспорт, магазин, кассы, газетный киоск. Отдельные стереотипы поведения установлены в семейном и школьном быту, однако они составляют лишь незначительную часть разнообразной коммуникации в этой области. Для отмеченных выше сфер стереотипность — основная черта речевого поведения: подчас трудно установить, какой социальной группе, какой территории принадлежат записанные фразы. Например: «Сейчас сходите?» — «Нет.» — «Тогда разрешите...»

Характерна повсеместная противопоставленность общественного транспорта индивидуальному, в том числе такси (расхожая «мудрость»: «Не нравится — на такси надо ездить!»). Стереотипы могут различаться в зависимости от вида транспорта: Пойдем во второй вагон! (Трамвай); Передняя площадка! Передавайте на билеты! (Автобус); Пройдите в середину салона! (Троллейбус).

Совершенно своеобразны стереотипы аэрофлота и железнодорожного транспорта: Рейс задерживается неприбытием самолета; Скажите, восьмичасовая ушла? (Об электричке); С какого пути будет? (О поезде).

Нарушение принятых норм стереотипного поведения встречает осуждение, особенно если речь идет о высказываниях водителей: Граждане, не толпитесь! Попадете в закрывающую дверь! Следующая остановка «Торгаш» (Торговый центр).

Очевидна необходимость накопления и классификации материала, отражающего стереотипные высказывания, чтобы выявить вариативные конструкции и определить те их них, которые наилучшим образом отвечают нормам советского речевого этикета и корректного поведения. Картотека, описывающая речевое оформление коммуникативного акта, могла бы использоваться и при обучении работников транспорта культуре профессионального общения. О необходимости такого обучения говорит, в частности, интересное начинание, о котором сообщила «Литературная газета» (1982. 31 марта): «В Московском областном управлении пассажирского транспорта опробуются новые нестандартные тексты обращений к пассажирам в салонах автобусов».

Много положительных откликов вызвала, например, фраза, с которой обращаются к пассажирам в поезде московского метро:

«Уважаемые пассажиры! У нас принято уступать места людям пожилого возраста и женщинам» (несмотря на стилистический недочет: «людям... и женщинам»).

Необычная обстановка, смена условий общения служит своеобразным катализатором номинативных процессов городской речи. Так, в связи с введением в челябинском транспорте компостеров появилось множество вариантов форм выражения просьбы: Товарищи, компоссируйте талоны!; Прокомпостируйте, пожалуйста...; Стукните талончики!; Щелкните!; Проколите, пожалуйста!; Передайте на компостер!; Приплюсните там...; Придавите, пожалуйста...; Отбейте талон...; Продырявьте абонемент, пожалуйста...; На дырочки, пожалуйста...; Передайте на дырки!; Проштампуйте талон!; Пролупите билет!; Примни!; Ткните!; Жахните билетик!

Сейчас, спустя год, утвердилась наиболее частотная фраза «Пробейте, пожалуйста». Человек, не владеющий ею, воспринимается как «чужой», не знающий нормы. Правда, допускается и «языковая игра» среди своих, обычно в компании молодежи.

Надо иметь в виду, что своеобразие ситуации накладывает жесткие рамки на поведение горожан. Так, отмечено, что в часы «пик», когда продается большое количество одних и тех же газет («Программа радио и телевидения», «Вечерний Челябинск») наиболее типичной и признанной формой общения «киоскер — покупатель» является взаимное молчание: молча протягиваются деньги, молча подается газета. Любая попытка вступить в разговор воспринимается очередью, да и самим киоскером, нервозно, как нарушение неписаного правила. В другое время, когда продается та же «Вечерка», но народ уже «схлынул», невербальное поведение осуждается: Вам что? «Вечерку»? Так бы и сказали!; Девочка, тебе чего? «Вечерку»? А что ж молчишь? Сказать что ли не можешь?

Вероятно, многие стереотипы поведения могли бы внедриться в сознание уже с дошкольного возраста, а уроки корректного речевого поведения имеют полное право на часть школьного времени. Отмечено, что «стихийное» овладение нормами речевого обихода далеко не всегда проходит успешно. «И чему вас только в школе учат?» — сетуем мы, наблюдая неэтичное поведение подростков. А ведь специально — не учат. Формирование человека нового общества невозможно без воспитания на примерах высоконравственного поведения, без обучения вежливым формам общения.

Анонимность интенсивного городского общения — одна из примет быта, противопоставленного сельскому, где все друг друга знают. Так, для города непривычны диалоги с продавцом: «Зин, а босоножки-то у тебя какого размера?» — «Тридцать девятые». — «А других не ждешь?» — «Зайди послезавтра. Оставлю, если с городу транспорт будет». Как правило, даже если покупатель в городе регулярно обращается к одному и тому же продавцу в одном и том же магазине, он не знает его имени и отчества, не пытается уста-

новить личных контактов, не приветствует его, обращаясь за покупкой или за советом.

Студенты, участвующие в диалектологических экспедициях, не могут привыкнуть к тому, что незнакомые люди на селе с ними не только здороваются, но и вступают в беседу: «А вы к кому? А вы ей кто? А вы к ней зачем?» Для горожан такие расспросы чужого человека — неприличное любопытство. Отсюда и разное восприятие поведения людей в городе привычным взглядом горожанина и иным, «со стороны», — жителя сельской местности. Адаптация в студенческом коллективе селянина — большая проблема для вузов, которая сейчас хотя и не так остро, но все же стоит перед преподавателями и администрацией. Интенсивность и анонимность городского общения, стандартность поведения в повторяющихся ситуациях составляют причину трудностей для сельских жителей, переселяющихся в города. У них не выработан иммунитет против негативных явлений, связанных с необходимостью вынужденно общаться с множеством людей. Одно из условий приспособления — обучение общению, своеобразная «техника безопасности» для тех, кто трудно осваивается в новой обстановке.

Однако противопоставление «городское общение — сельское общение» не может претендовать на исчерпывающую полноту. Такая постановка вопроса предполагает систематическое изучение взаимодействия и взаимообогащения двух образов жизни в социалистическом обществе. Да и само городское общение неоднородно. Нами отмечена значительная разница между крупными промышленными центрами и так называемыми малыми городами¹⁸. Мы установили, что чем меньше город, тем теснее контакты его жителей, тем больше признаков городского быта уходит, уступая место приметам сельского общения. Небезынтересно было бы сопоставление старых, имеющих многовековую историю и традиции общения городов с новыми, построенными при советской власти. Население «комсомольских» городов, как правило интернациональное, имеющее различные навыки речи, менее подвержено влиянию окружающих диалектов и быстрее вырабатывает стиль общения, близкий к нормам литературного языка.

Много может дать, по-видимому, анализ разговорной речи и просторечия в городском общении тех центров, которые находятся в иноязычном окружении, и тех, которые далеко отстоят от населения, говорящего на других языках. Так, нами отмечено, что в устной речи жителей города Аши, который находится рядом с Башкирией, гораздо больше тюркизмов, чем у жителей Сатки, удаленной от нее почти на двести километров.

Социальный состав населения также дал бы немало для анализа специфики городского общения. Не зря существуют понятия «студенческий город», «университетский город», «научный центр». Так, вполне определенное влияние подобные характеристики оказывают на весь стиль городского общения жителей Свердловска, Перми, Челябинска. Даже в пределах нашей области сравнение

Челябинска и Магнитогорска могло бы выявить своеобразие каждого из этих промышленных центров. Предстоит еще многое выяснить и в плане перспективного решения проблемы городского общения. В свое время Ф. Энгельс указывал: «Уничтожение противоположности между городом и деревней не только возможно, — оно стало прямой необходимостью для самого промышленного производства, как и для производства сельскохозяйственного, и, сверх того, оно необходимо в интересах общественной гигиены»¹⁹.

Надо признать, что уральские языковеды, хотя они и не уступают коллегам из других научных центров в освещении данного вопроса, все же остаются в долгу перед своим замечательным краем, если принять во внимание активную деятельность уральских историков, социологов, экономистов, интенсивно разрабатывающих комплексную тему «Духовная культура Урала», в том числе и применительно к городам²⁰. Выход сборников по живой устной речи уральцев — знаменательное явление в жизни научной общественности Урала, которое, несомненно, скажется на повышении культуры речи и культуры общения, совершенствовании духовной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Русская разговорная речь. М., 1973; Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978; Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.

² Свидетельством тому является, например, сборник «Городское просторечие. Проблемы изучения» (М., 1984), посвященный описанию живого языка современного города.

³ Соболевский А. И. Опыт русской диалектологии. Спб., 1897. Вып. 1. С. 9.

⁴ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. М.: Л., 1935. С. 2.

⁵ См.: Каринский Н. М. Язык образованной части населения Вятки и народные говоры // Учен. зап. / Ин-т яз. и лит. М., 1929. Т. 3.

⁶ См., напр.: Афанасьева А. С. К вопросу о структуре устной речи городского населения // Изв. Воронеж. пед. ин-та. 1972. Т. 126. С. 91—97; Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи: Учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1979; Федорова М. В. Из наблюдений над причастиями в речи горожан // Учен. зап. / Курский пед. ин-т. 1966. Т. 25; Фонетика и орфоэпия (на материале говоров и городской речи жителей Сибири). Красноярск, 1984; *Brabcova R. Mestska mluva v Brandyse nad Labem. Praha, 1973*; *Wybor tekstow jezyka mowionego mieszkancow Krakowa. Krakow, 1979*; *Pederson L. The urban language series // American speech: A Quarterly of Linguistic Usage. Columbia Press, 1975. Vol. 50*; «*Stadtsprache*» — Sprachliches Handelnssoziales Verhalten. München, 1976.

⁷ Гельгардт Р. Р. О литературном языке в географической проекции // Вopr. языкознания. 1959. № 3. С. 95, 99.

⁸ См.: Русская разговорная речь: Тексты. С. 269—295.

⁹ Баранов А. В. Социально-демографическое развитие крупного города. М., 1981. С. 123.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 342.

¹¹ См.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: (Избранные работы). М., 1977. С. 178—181.

- ¹² См.: Русская разговорная речь... С. 5—17.
- ¹³ Помыкалова Т. Е., Шишкина Т. Я., Шкатова Л. А. Наблюдения над речью жителей г. Челябинска: (к проблеме «языка города») // Городское просторечие... С. 163.
- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 19.
- ¹⁵ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 706.
- ¹⁶ См.: Челябинская область: Крат. справка. Челябинск, 1983.
- ¹⁷ См.: Русская разговорная речь: Тексты. С. 269.
- ¹⁸ Общепринятой считается следующая классификация городов: малые — до 50 тыс. жителей, средние — 50—100 тыс., большие — 100—250 тыс., крупные — 250—500 тыс. жителей, города-«миллионеры». (Об этом см.: Зюганов Г. А. Социальное развитие города и коммунистическое воспитание. М., 1982. С. 15).
- ¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 307—308.
- ²⁰ См., напр.: Исследование культурной деятельности и культурного уровня населения городов Урала. Свердловск, 1979; Анимациа Е. Города Среднего Урала. Свердловск, 1975; Челябинск. 3-е изд., испр. и доп. Челябинск, 1976; и др.

А. А. СКРЕБНЕВА
Челябинский университет

Некоторые процессы функционирования просторечной лексики

Проблемы статуса просторечия, его границ, объема, условий функционирования на всех языковых уровнях, всегда привлекавшие внимание исследователей, остаются актуальными и в настоящее время¹. Неослабевающий интерес к живой языковой стихии вызван, по-видимому, в первую очередь самой природой данного явления, корни которого уходят глубоко в историю языка и связаны с условиями образования национального литературного языка. Место и роль просторечия в стилистической системе литературного языка в середине XVIII в. определил в своих трудах М. В. Ломоносов; происхождение и формирование просторечных форм прослеживается в трудах классиков отечественного языкознания в связи с изучением развития русского литературного языка, вопросов культуры речи, языка писателей (А. А. Шахматов, С. П. Обнорский, В. В. Виноградов, А. П. Якубинский, Б. А. Ларин, Г. О. Винокур и др.). Взаимодействие диалектной речи с просторечием отмечали, например, диалектологи В. И. Собиинникова² и А. И. Баранникова³. Ф. П. Филиным просторечие рассматривалось как «органическая составная часть системы литературного языка, выполняющая в нем определенную стилистическую роль»⁴. Это подтверждают, в частности, произведенные Ф. П. Филиным статистические исследования стилистически маркированных элементов в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (т. 7, буква Н), с помощью которых было установлено, что просторечные формы составляют в нем 6,22%⁵.

Источниками словаря, как известно, служили преимущественно тексты художественной литературы XIX—XX вв., хотя, как